

А.И. Попов*

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА НАПОЛЕОНА В РОССИИ 1812 ГОДА

Сами участники русского похода 1812 г., а затем и его исследователи не раз задавались вопросом, почему Наполеон не провозгласил отмену крепостного права в России, как он это сделал ранее в ряде европейских государств. Несмотря на то, что участники войны и историки называли несколько причин отказа императора от данного шага, вопрос этот по-прежнему вызывает живой интерес читателей и имеет некий налет загадочности. По нашему же мнению, ничего особо таинственного в этом вопросе нет, и его, в принципе, можно считать решенным. А.Г. Тартаковский верно заметил, что «сложившиеся в историографии взгляды основываются на узком круге давно введенных в научный оборот документов», а потому необходимо привлечь новые источники¹. Несколько свидетельств по данному вопросу, неизвестных отечественным читателям, мы приведем ниже, но следует сразу подчеркнуть, что объем источников по этой теме невелик из-за кратковременности самой кампании, а потому почти до конца исчерпан. К тому же, уже известны высказывания наиболее близких к императору и, следовательно, наиболее информированных людей. Поэтому необходимо упорядочить уже предложенные ответы на данный вопрос, выстроив их «субординацию» по степени важности и отбросив заведомо надуманные.

Первым делом нужно напомнить, что с момента прихода к власти Наполеон рассматривался российским дворянством как узурпатор и «исчадие революции», а потому оно опасалось не только его полководческого гения, но и социальной пропаганды с его стороны. Революционным идеям была противопоставлена пропаганда религиозная, которая, по большому счету, началась еще со времен Французской революции XVIII в. Но тогда она была обращена к образованным слоям общества, среди которых через печать могла распространиться «революционная зараза». Идеологическая обработка более широких слоев населения началась в 1806 г., и связано это было с приближением армии Наполеона к российским границам и с созывом «милиции», то есть ополчения.

---

* *Андрей Иванович Попов, доктор исторических наук, профессор Самарского государственного педагогического университета.*

¹ *Тартаковский А.Г.* Из истории одной забытой полемики (Об антикрепостнических «диверсиях» Наполеона в 1812 г.) // История СССР. 1968. № 2. С. 26.

Тогда русское правительство при помощи церкви развернуло агитацию, разжигая религиозный фанатизм. Александр I предписал синоду, чтобы по всем церквам провозглашалась анафема Наполеону как Антихристу, как «твари, совестью сожженной и достойной презрения». В «Объявлении Синода по случаю составления земского войска» от 13 декабря 1806 г. Бонапарт был изображен как человек, «отложившийся от христианской веры», «воздававший поклонение истуканам, человеческим тварям и блудницам». Кроме того, церковь призывала паству к повиновению начальству: «Сохраняйте почтительность и повиновение к установленным над вами властям и начальникам, уклоните помышления ваши от всех злых начинаний, буйства и посползовений» и от «лукавых соблазнов искуителя». Объявление Синода читалось во всех церквах.

17 декабря 1806 г. министерство внутренних дел разослало губернаторам секретную инструкцию по организации ополчения. «Цель сего вооружения, — говорилось в ней, — есть иметь в готовности сильный отпор против неприятеля, который ... действовал не одною силою оружия, но и всеми способами обольщения черни, который, врываясь в пределы воюющих с ним держав, всегда старался прежде всего ниспровергать всякое повиновение внутренней власти, возбуждать поселян против законных их владельцев, уничтожить всякое помещичье право, истреблять дворянство и, подрывая коренные основания государства, похищать законное достояние и собственность прежних владельцев... Из сего видно, что война с таким неприятелем не есть война обыкновенная, где одна держава спорит с другой о праве или пространстве владений. В настоящей войне каждый помещик, каждый владелец должен признать себя лично и непосредственно участвующим: ибо цель неприятеля есть ниспровергать всякое личное имущество, всякое право собственности».

Губернаторам вменялось в обязанность «внушить помещикам сии истины. Они покажут с очевидностью им, что каждый из них, содействуя сему ополчению, будет содействовать не только общей безопасности государства, но и защищать собственное свое личное право, достояние своих детей, своего рода, собственность своих владений»². Очевидно, правительство опасалось, что император французов может превратить обычную, «правильную», политическую войну в социальную, придав ей революционный характер. Нет сомнения, что об этих предостережениях помещики помнили и в 1812 г.

² ПСЗ—1. Т. XXIX. № 22394; РА. 1895. № 2. С. 410; Исторический вестник. 1912. Т. 129. Стб. 1117—18; *Дживелегов А.К.* Александр I и Наполеон. М., 1915. С. 221; *Ливчак Б.Ф.* Народное ополчение в вооруженных силах России 1806—1856 гг. Свердловск, 1961. С. 38—39; *Троицкий Н.А.* Александр I и Наполеон. М., 1994. С. 116, 129.

Перед самым началом новой войны с Наполеоном, 2 апреля 1812 г. подполковник П.А. Чуйкевич, сотрудник Секретной экспедиции военного министерства, подал министру генералу М.Б. Барклаю де Толли аналитическую записку. Констатируя, что России предстоит «вести войну за целостность своих владений и собственную свою независимость», Чуйкевич первым делом подчеркнул, что «не столько страшен Наполеон в самой войне, сколько посреди мира», ибо «перо его опаснее самого меча», поскольку он сеет в государствах «дух мятежа и неудовольствия». Чуйкевич отметил, что России придется рассчитывать только «на собственные свои силы и прибегнуть к средствам необыкновенным, кои обрящет в твердости своего Государя и преданности ему народа, который должно вооружить и настроить как в Гишпании с помощью Духовенства»³. Таким образом, очевидно, что российское командование заранее планировало в случае необходимости развернуть религиозную пропаганду, ибо дворянство по-прежнему опасалось распространения «революционной заразы».

Так, генерал Н.Н. Раевский написал супруге: «Я боюсь не врага, но прокламаций и вольности, которую Наполеон может обещать крестьянам». Генерал П.И. Багратион 1/13 июля заметил Барклаю де Толли, что «метода войны в своих границах вообще не выгодна по влияниям на народ, кроме прочих видимых неудобств». Но в то же время дворянство надеялось, что «русский народ по религиозным своим взглядам и по традиционной преданности престолу должен будет встретить французов, как их встретили в Испании и в Тироле». Весной 1812 г. некий русский вельможа сказал генералу В.Г. Костенецкому: «Разве вам неизвестны слухи, что Наполеон намеревается восстановить Польшу и освободить наших крестьян? О, он ошибается, рассчитывая найти русского мужика готовым изменить своему Государю, а бывшие кой-где толки о воле не пойдут на пользу врагов»⁴.

Участник русского похода и его историограф капитан Ж. Шамбре писал, что уже в первые дни вторжения Наполеон велел объявить крестьянам, что он пришел дать им свободу. «Во время одной остановки, которую Наполеон сделал между Евье и Вильной, он приказал привести к нему одного крестьянина, и через своего переводчика сказал ему, что он пришел, чтобы принести им свободу. Этот несчастный бросился на землю к его стопам, согласно обычаю польских крестьян, когда они яв-

³ *Безотосный В.М.* Аналитический проект военных действий в 1812 г. П.А. Чуйкевича // Российский архив. М., 1996. Т. 7. С. 45; Русский Архив (далее – РА). 1886. Кн. 3. С. 375; Сборник Русского исторического общества (далее – Сб. РИО). Т. 4. СПб., 1871. С. 8–9.

⁴ 1812–1814. М., 1992. С. 214; Генерал Багратион. Сб. док. М., 1945. С. 195; *Дживелегов А.К.* Указ. соч. С. 220; Из журнала Суханина // РС. 1912. № 2. С. 275.

ляются перед человеком высокого ранга, слушал его с ошалелым видом, не понимая его»⁵.

11 июля Наполеон принял в Вильно депутацию варшавской Генеральной Конфедерации во главе с Ю. Выбицким, который, между прочим, заявил: «С этой минуты отечество наше — Польша, восстановлено!». Император ответил уклончиво: «Сделаю все, от меня зависящее, чтобы поддержать ваши начинания». Беря на себя такие обязательства, он, однако, обусловил успех польского дела «в этих столь отдаленных и обширных областях» «единодушными усилиями всех жителей». Следовательно, восстановление польского-литовской государственности зависело от собственных усилий поляков и литовцев. Далеко не вся литовская знать была удовлетворена таким ответом императора.

Наполеон наверняка узнал о нежелании литовской шляхты иметь варшавскую конституцию, особенно из-за принципа равенства людей в правах и освобождения крестьян. Но 6-й бюллетень Великой армии, в котором освещалась упомянутая аудиенция, объявил: «Польский народ двинулся повсюду, белый орел водружен везде. Князья, шляхта, крестьяне, женщины — все поднялись за независимость народа». При этом крестьяне выражают надежду получить свободу, подобно крестьянам Герцогства Варшавского, ибо «свобода является наиценнейшим благом для литовцев». В бюллетене утверждалось, что крестьяне «с воодушевлением выражают надежду, что в конце борьбы *им будет возвращена свобода*. Крестьяне из Великого Герцогства получили свободу не для того, чтобы через это сделаться богатыми, но чтобы собственники через это стали более умеренными, справедливыми и человечными, так как иначе крестьяне порушили бы их имения, чтобы искать иных господ. Шляхтич ничего при этом не теряет, он должен только быть справедливым, а крестьянин выиграет много».

В этих словах Наполеон сформулировал свою минимальную социальную программу для Литвы, ответил на возможные возражения шляхты, будто бы литовские крестьяне еще не созрели для свободы, и положил предел дискуссиям на тему, не следует ли сохранить в освобождаемой стране крепостную зависимость крестьян. Таким образом, император определил свою точку зрения в отношении Литвы и всех польских земель, занятых русскими — полное объединение с Польшей и признание нового социального порядка, уже введенного в Герцогстве Варшавском⁶.

⁵ Chambray G. Histoire de l'expédition de Russie. Т. 1. P., 1838. P. 366–367.

⁶ Сб. РИО. Т. 128. С. XXXII; *Iwaszkiewicz J.* Litwa w roku 1812. Kraków-Warszawa, 1912. S. 341; *Kukiel M.* Wojna 1812 roku. Т. 1. Kraków, 1937. S. 374–76; *Saint-Hilaire E. M., de.* Napoléon en Russie : histoire de la campagne de Russie pendant l'année 1812 et de la captivité des prisonniers français en Sibérie et dans les autres provinces de l'Empire [1846–1848]. P., 2003. P. 171; *Бориславский.* События в Вильно в 1812 г. // Военный сборник. 1903. № 6. С. 52–55.

Для управления Литвой 1 июля была организована Комиссия Временного Правительства Литовского, которой подчинялись Виленская, Гродненская, Минская губернии и Белостокский округ. В первом воззвании нового правительства население призывалось к пожертвованию всего, что нужно для снабжения войск. 6 июля в распоряжении для местных властей было велено вернуть людей по домам к обычным работам и повинностям, к прежнему порядку вещей. На следующий день комиссия специально обратилась к помещикам, чтобы успокоить их заверением, что порядок и безопасность возвратятся, побудить их к возвращению в свои дома, к собиранию рассеявшихся людей, которых следовало обязать к отработке обычных повинностей. В следующем воззвании духовенству поручалось побуждать население к терпеливому перенесению тягот войны, а крестьян — к отработке барщины, и снова без слова надежды на будущее освобождение. В этих прокламациях проявлялась даже слишком явная растерянность, вызванная состоянием страны и бедствиями населения. Желание восстановить, прежде всего, нормальную жизнь и обеспечить благополучный сбор урожая, необходимого для обеспечения войск, доминировали над прочими проблемами.

Новое литовское правительство оказалось в политическом смысле ничтожно, лишено всякой инициативы и чрезвычайно осторожно. Лишь по настоянию Наполеона Комиссия решилась 1 августа на воззвание к крестьянам, «как людям, находящимся под охраной права, как сынам Отчизны», призывая их повиноваться и оказаться «достойными тех благ», которые общая родина для них вскоре провозгласит. По всей Литве народ уже знал от польских солдат, что в Герцогстве Варшавском крестьянин объявлен свободным, что он «является равным своему барину», а из Вильно не приходило ничего, кроме требований исполнять барщину. Польский историк М.В. Кукель заметил, что и в этом воззвании виленское правительство не решилось на то, чтобы ясно сказать литовским крестьянам об уравнивании в правах с их собратьями из Польши. С виду во всем слепо следуя за желаниями Наполеона, оно только в одной этой сфере закрывало глаза на его четкие указания⁷.

Сходная ситуация сложилась и в Курляндии. 9 июля Наполеон приказал маршалу Ж.Э. Макдональду «занять Курляндию и сохранять ее нетронутой, поскольку там находится столько ресурсов для армии». Для понимания социальной политики новых властей весьма характерен эпизод, случившийся буквально в самом начале оккупации. После поражения русского отряда генерала Ф.Ф. Левиза 19 июля при Экау, граж-

⁷ Correspondance de Napoléon Ier (далее — Corr.). Т. 23. Р., 1867. № 18971, 18982; *Sanguszko E. Pamiętnik. Kraków. 1876. S. 64–65; Białkowski A. Pamiętniki starego żołnierza. Warszawa, 1903. S. 217–18; Iwaszkiewicz J. Op. cit. S. 218–19; Kukiel M. Op. cit. T. I. S. 386.*

данский губернатор Сиверс эвакуировал Митаву, которая оказалась без власти. 20 июля этим обстоятельством «воспользовались соседние крестьяне-латыши и двинулись в город, где овладели провиантскими магазинами и начали грабить жителей. Нижние слои городского населения примкнули к грабителям». Но тут в город вступил прусский авангард под командой полковника Раумера; он применил оружие против грабителей, которые вскоре были рассеяны.

25 июля в Митаве появилось воззвание командующего прусским Вспомогательным корпусом генерала Ю.А. Граверта: «Здесь ходят слухи, что среди сельских жителей здешней провинции стало распространяться ложное мнение, будто бы наступившее военное положение... должно избавить поселян от обязанностей по отношению к их помещикам». Опровергая это заблуждение, генерал заявлял, что «не предполагается никакой перемены, как в устройстве означенной провинции, так и в отношениях между господами и подданными», и что прусаки будут «энергично поддерживать эти отношения, а равно и порядок и строго наказывать всякого, позволяющего себе их нарушение».

Историк К.А. Военский в этой связи заметил, что для оккупационных властей было важно только одно: «как можно скорее установить порядок в занятой местности, пользуясь для этой цели местными, опытными людьми», и потому «менее всего хотели они что-либо изменять в общественной жизни и даже избегали существенной ломки, опасаясь недовольства господствующего сословия остзейцев. Главной целью французов, как и в Польше и Литве, было обеспечение продовольствия оккупационных корпусов и военная контрибуция. Но для поляков все это маскировалось громкими фразами о восстановлении королевства», а в Курляндии, напротив, старались доказать немцам, что новая власть сохранит в неприкосновенности все, чем они пользовались под русской властью. В итоге, *«строй жизни, отношение владельческого класса к крестьянам оставались в полной неприкосновенности. Здесь, как и в Литве, французы не являлись защитниками крестьян, сохраняя существующий уклад жизни и поддерживая, наоборот, помещиков»*⁸.

Итак, в Литве, где дворянство встретило Наполеона как освободителя и восстановителя «Великой Польши», и в Курляндии, где оно нейтрально отнеслось к новому режиму, император не мог сразу и радикально решить крестьянскую проблему — она могла быть поставлена на повестку дня лишь в случае успешного завершения кампании. Поэтому французская администрация однозначно высказывалась здесь за сохранение прежнего социального порядка, и, в случае необходимости, поддержи-

⁸ Согр. 18936; Акты, документы и материалы для политической и бытовой истории 1812 г. Т. 2. Балтийская окраина в 1812 г. // Сб. РИО. Т. 133. СПб., 1911. С. X–XII, XIV, XVI, 173.

вала его силой оружия. Общественный порядок был необходим для того, чтобы организовать нормальное снабжение Великой армии. Впрочем, крупных крестьянских волнений в этих областях не произошло.

Напротив, в исконно русских губерниях руки Наполеона в этом отношении были развязаны — здесь он мог бы провозгласить вольность крепостных, чтобы привлечь их на свою сторону в борьбе против российского дворянского государства. Сама логика военного противоборства подталкивала его на этот шаг, возможность и даже необходимость которого признавали генералами и офицерами Великой армии. Некоторые ее представители видели позднее в этом большую упущенную возможность⁹.

Между Литвой и коренными русскими землями находилась *sui generis* «переходная зона» — Белоруссия, к которой отношение Наполеона определилось не сразу. По его требованию, П. Сапега, Л. Радзивилл и В. Сераковский предоставили ему информацию об этой стране. Император выяснил, что «Белая Русь даже в польские времена считалась провинцией за характерную испорченность российским соседством», что там «шляхта вошла во вкус привилегии угнетения крестьян». Это, кстати, подтверждают и русские участники войны. Так, генерал А.П. Ермолов писал, что в белорусских губерниях «чрезмерно тягостная власть помещиков заставляла желать перемены». Полковник А.Х. Бенкендорф также отметил «ужасное и бедственное рабство», под гнетом которого белорусские крестьяне «находились благодаря алчности и разврату дворян», «своих мелких тиранов».

Поляки советовали Наполеону сначала решить здесь крестьянский вопрос, улучшив положение крестьян, но сохранив их прикрепление к земле. Ему представили список «лиц, на которых можно более или менее рассчитывать», с оговоркой, что «один Бог знает тайны людских душ». Все это не вдохновляло; возле Витебска Наполеон воскликнул: «Вижу, что тут уже нет поляков, этот край не польский». Разведка донесла ему, что «в Могилевской губернии и в Белой Руси крестьяне привязаны к французам, а господа и евреи к русским». Тем не менее, он решил трактовать Белоруссию формально как часть Польши, то есть союзную страну.

А.Д. Пасторе, назначенный интендантом (гражданским губернатором) Белоруссии, писал: «В целях императора было выгодно как можно шире раздвигать пределы Польши; поэтому он сделал вид, будто, по его мнению, эта местность еще лежит в ее границах, и слово “завоевание” было заменено словом “освобождение”». Наполеон заявил Пасторе:

⁹ Дживелегов А.К. Указ. соч. С. 222; Тартаковский А.Г. Указ. соч. С. 26, 37–38; Gouvion Saint-Cyr L. Memoires pour servir a l'histoire militaire. Т. 3. П., 1851. P. 20–21; Fezenzacz R. Souvenirs militaires. P., 1870. P. 237–38.

«Обращайтесь с Белоруссией как с союзницей, а не как с завоеванной страной». Полковник Р. Фезанзак отмечал, что в Витебске, столице «Белой Руси», «жители встретили нас скорее как завоевателей, чем как освободителей. Но интересы политики императора заставляли насколько возможно отодвинуть границы Польши, и Витебская провинция была объявлена составной частью этого королевства. Для нее были назначены губернатор и интендант, которые получили приказ обращаться с ней как с союзной»¹⁰.

5 августа генерал Э. Богарне узнал о восстании крестьян в окрестностях Вѣлижа и Поречья. Возможно, по совету служивших в его корпусе поляков — генерала Я. Дембинского и военного комиссара Ф. Барса — он написал императору: «Люди благоразумные думают, что это возмущение крестьян может в теперешних обстоятельствах потрясти Россию». Богарне обратил внимание на жестокость крестьянской неволи и на то, что до недавних пор крестьян продавали на рынках. Император ответил незамедлительно. Он просил уточнить, «произошло ли волнение (*l'exaltation*) крестьян по ту сторону Вѣлижа в старой Польше, или в старой России. Проверьте этот факт. Если это восстание (*révolte*) имело место в старой России, его можно считать чрезвычайно благоприятным для нас, и мы сумеем извлечь из него пользу... Сообщите мне об этом и дайте знать, какого рода декрет и прокламацию можно было бы выпустить для возбуждения восстания крестьян в России и привлечения их на свою сторону». Кукель верно заметил, что в этом письме ясно обозначилась точка зрения Наполеона: на территории бывшей Речи Посполитой он хотел удерживать социальный порядок, и преобразование общественных начал должно было осуществиться здесь на основе права. Но в собственно России он готов был разжечь крестьянский бунт. Как выразился А.К. Дживелегов, «Наполеон отложил осуществление своей социальной диверсии до вступления в пределы исконной России»¹¹.

8 августа Богарне ответил императору основательным меморандумом, в котором рассказал «о степени важности, которую может иметь для французской армии восстание крестьян». По его словам, волнения крестьян охватили белорусские и русские земли бывшей Речи Посполитой. Это было вызвано тяжелым угнетением, обостренным переходом этих земель под власть России. Положение крестьян ухудшилось; свободных

¹⁰ Записки А.П. Ермолова. М., 1991. С. 147 (далее — Ермолов); Отечественная война 1812 г. Материалы ВУА. Т. 2. СПб., 1903. С. 78–79 (далее — ВУА); Бумаги П.И. Щукина. М. 1900. С. 216–217; РА. 1900. № 12. 491, 496; *Fezenzac R.* Op. cit. P. 237–238; *Soltyk R.* Napoléon en 1812. P., 1836. P. 92–94; *Kukiel M.* Op. cit. T. 2. S. 11–12.

¹¹ Du Casse A. *Memoires et correspondance... du prince Eugene.* T. 7. P., 1859. P. 444; Corr. 19044; *Дживелегов А.К.* Указ. соч. С. 222.

некогда мещан переименовали в крестьян. Крестьяне хотели бы знать, что несет им новая власть. Они требуют хотя бы тех прав, которые дала польским крестьянам конституция герцогства Варшавского. Они уверяют, что в таком случае «вспыхнет всеобщее восстание даже в России». Жители белорусских городов хотели бы восстановить утерянные при русском правлении привилегии. «Восстановление этих привилегий произведет у буржуазии еще одну революцию в пользу французской армии, и это побудит их жертвовать всем ради достижения успеха». Очевидно, что в состоянии экзальтации местного населения «надежда возвратить эти привилегии, основанная на нескольких обещаниях, данных со стороны Вашего Величества, вызовет выгодные последствия, как в областях, которые войска уже заняли, так и в тех, к которым они близки»¹².

Генерал Ф.П. де Сегюр утверждал, что в Витебске Наполеон «поручил двоим из близких себе людей выведать настроение в народе. Надо было привлечь их свободой и более или менее общим восстанием втянуть их в наше дело. Но действовать приходилось только среди отдельных, почти диких крестьян... Эта попытка послужила только к разоблачению его проекта». Капитан М.Э. де Бодю вспоминал, что «несчастливым крепостным, существам жалким и совершенно забитым», Наполеон «попытался предоставить свободу в прокламации, отпечатанной в Витебске, один экземпляр которой был у нас на руках. Эта прокламация была распространена в нескольких местах, но без успеха; она лишь вызвала со стороны некоторых из этих варваров небольшое число зверских выступлений, способных вызвать стыд у человека, который предпринял эту попытку революционной пропаганды; это была плохая акция безо всякой пользы для того, кто оказался в этом виноват»¹³.

Антикрепостническая пропаганда, действительно, имела место в Белоруссии. Так, в Полоцком уезде среди «возмутителей» крестьян был шляхтич Игнатовский, служивший во французской армии и объявивший вольность крестьянам нескольких помещиков. Согласно русским документам, в Городецком и Невельском поветах Витебской же губернии крестьяне вышли из повиновения «по внушениям неприятельскими

¹² *Fabry G.* 1812. Campagne de Russie. Т. 3. Р., 1903. Р. 205–06, 431, 432–33. 10 августа Богарне сообщили, что крестьяне с радостью бы приветствовали приход французов, но того же нельзя сказать о помещиках (*Fabry G.* Op. cit. Т. 3. Р. 436).

¹³ РА. 1908. № 4. С. 483; Французы в России. Т. 1. М., 1912. С. 81; *Сегюр Ф.П.* Поход в Россию. Записки адъютанта императора Наполеона. Смоленск, 2003. С. 83; *De Baudus M.* Etudes sur Napoléon. Т. 1. Р., 1841. Р. 413. Кукель справедливо подверг сомнению рассказ известного историка К. Валишевского, будто в Витебске к Наполеону явились посланцы какой-то русской революционно-демократической группы, предлагавшие ему сдать Москву и Тулу, если он объявит вольность народа, свободу науки и созыв нотаблей в Москве, либо в Туле (*Waliszewski K.* La Russie il y a cent ans. La règne d'Alexandre I. Т. 2. Р., 1923. Р. 53–54).

войсками необузданной вольности и независимости». В южных поветах Могилевской губернии «неприятель везде, где ни бывает, объявляет крестьянам вольность и свободу от помещиков»; «неприятель в здешних местах объявил всей черни вольность и независимость от помещиков»¹⁴.

Фезанзак вспоминал, что во время пребывания в Витебске «новый вид беспорядка обращает на себя внимание Наполеона. Окрестные крестьяне, внимая разговорам о свободе и независимости, возомнили, что им позволено взбунтоваться против своих господ, и предавались необузданной вольности. Знать Витебска направилась жаловаться императору, который предписал суровые меры, чтобы возвратить их к исполнению своего долга. Было важно остановить это движение, которое могло перерасти в гражданскую войну. Были высланы мобильные колонны, внушены несколько примеров, и порядок вскоре был восстановлен». К этому времени следует отнести и следующие слова Шамбрэ о крестьянах: «Эти несчастные, которые никогда не видели ничего, кроме повелений своего господина, и знали только рабское повиновение, не различали свободу и распушенность. Во многих местах они ограбили своих помещиков; в других отказались им повиноваться и довели их до невозможности удовлетворять реквизиции французов. Наполеон... в приказе потребовал оказывать помещикам помощь, и прекратил говорить о свободе для крестьян. Надежды, которые он сначала дал этим последним, вызвали недовольство знати, которая тут же увидела себя подверженной всем опасностям народного движения»¹⁵.

Итак, решив трактовать Белоруссию как часть «восстанавливаемой» Польши, император не мог здесь, как и в Литве, немедленно разрешить крестьянский вопрос. Поэтому генерал-губернатор Белоруссии генерал А.Ф. Шарпантье высылал воинские команды на подавление бунтов. Сменивший его на этом посту генерал Ф. Пуже вспоминал, что в октябре «крестьяне восстали против своего помещика, который настойчиво просил помощи для возвращения их к обязанностям, потому что, говорил он, если этот пример распространится, в стране тотчас наступит голод. Я считал необходимым потушить огонь, который мог распространиться, во-первых, потому, что я не имел задания поднимать в стране восстание, во-вторых, потому, что восстания могли нам повредить».

¹⁴ ВУА. Т. 14. С. 282–283; Т. 16. С. 36; Т. 17. С. 165, 310; Т. 18. С. 60, 98, 130–131, 167–168; Т. 19. С. 319, 321; Fabry G. *Op. cit.* Т. 3. Р. 434–435, Т. 4. Р. 382; Полошко-Витебская старина. Вып. 3. Витебск, 1916. С. 294–95; Ахлестышев Д.П. Двенадцатый год. СПб., 1912. С. 223, 225.

¹⁵ *Fezenzac R.* *Op. cit.* Р. 238; *Chambray G.* *Op. cit.* Т. 1. Р. 182–83. О бунтах крестьян в Белоруссии писал и маршал Сен-Сир, но Е.В. Тарле заявил, будто маршал имел в виду Литву, а о том, что крестьяне действовали в пользу неприятеля, академик и вовсе умолчал. (*Тарле Е.В.* Нашествие Наполеона на Россию. М., 1938. С. 176).

По замечанию Кукеля, в Белоруссии при полной политической пассивности высшего слоя, мало склонного и к выступлению на стороне Наполеона, и к защите Российской империи, на первый план выдвинулся крестьянский вопрос, ибо многочисленные бунты, которые ни русские, ни французские власти не сумели усмирить до конца войны, указывают на наличие у крестьян социальной активности¹⁶.

Итак, поставленный нами вопрос об отношении Наполеона к крепостному праву «редуцируется» до исконно русских губерний. Но в коренной России императора французов ожидала совсем иная встреча. Еще до вступления туда ему доносили, что дух крестьян за г. Красным является полностью пророссийским. Патрули и фуражиры сообщали, что в Смоленской губернии «люди совершенно иные», что все является врагами, все готовы либо бежать, либо сражаться. Крестьяне вооружились пиками, собрались в отряды, во главе которых стоят дворяне. Доходили также известия о создании ополчения в центральной России. На основании этого Кукель заключил, что возможности поднять крестьянский бунт в коренной России вообще не существовало: «Оружие социальной революции не действовало за старой польской границей. Достать Россию за ней можно было только оружием»¹⁷.

¹⁶ Souvenirs de guerre du général baron Pouget. P., 1895. P. 207. Недавно в Минске была опубликована удивительная по наглости фальсификация некоего М. Голденкова. Там, где во всех источниках упоминается Литва, он беспардонно заменяет это название на Беларусь: «Освобождение Польши и Литвы (Беларуси)», «Литва-Беларусь в 1812 году», «Литва, т.е. тогдашняя Беларусь». Литовскую знать автор переименовал в белорусскую. Он пишет, что «знатнейших местных *беларусов* он [Наполеон] переименовал полковниками и поручил им формирование» *«беларуских полков»*. На самом же деле речь шла именно о литовских полках, включенных в состав армии Герцогства Варшавского. В источниках сообщается, что *польское* население Минска радостно встретило наполеоновские войска, но автор заявил, что «поляков в Минске не было!»; по его утверждению это была «местная *беларуская* шляхта». Столь беспардонное искажение данных источников и замена всего «польско-литовского» на *«беларуское»* нужны автору для того, чтобы доказать, что белорусы вовсе не были «преданными друзьями Российской империи и извечными союзниками россиян», а, напротив, встали на сторону их противника, и что «25.000 *беларусов* воевали за Наполеона». Автор знать не желает, что в 1812 г. белорусскими именовались лишь Витебская и Могилевская губернии, которые он нелепо назвал «восточными областями Беларуси (Литвы)». Прочитировав слова одного советского автора о «вторжении наполеоновских войск в Литву и Белоруссию», он тут же поправляет его: «Этот автор под терминами Литва и Белоруссия имеет в виду, конечно же, Беларусь, которую в те годы хотя и называли официально Литвой, но это есть самая распространенная “неточность” всех российских историков». Дело, конечно же, не в ошибке историков, а в фальсификации источников со стороны белорусского борзописца, который высасывает из пальца историю независимой Беларуси, попирая все мыслимые каноны историописания. — Голденков М. Наполеон и Кутузов: неизвестная война 1812 г. Забытые герои, неизвестные сражения и трагедии великих армий. Минск, 2010. С. 17, 25–26, 36, 54, 56, 58, 65, 118–19, 244, 259–60.

¹⁷ Fabry G. Op. cit. Т. 3. P. 282; Kukiel M. Op. cit. Т. 2. S. 18–19.

Но факты говорят о другом. Антикрепостническая пропаганда со стороны отдельных военнослужащих Великой армии имела место и в коренной России. В Рославльском и Ельнинском уездах Смоленской губернии «проходившие неприятели и оставшиеся мародеры... посеяли, особенно в крестьянах, понятие независимости». В Дорогобужском уезде генерал Э. Груши уговаривал крестьян не бежать от французов, «которые не делают вам никакого притеснения и даже с вами не имеют войны, напротив того, Наполеон хочет даровать вам свободу». В Юхновском уезде «крестьяне некоторых селений от вольнодумствия начинают убивать до смерти господ своих и подводят французов в те места, где оные от страха укрываются». Позже калужский губернатор П.Н. Каверин напишет императору: «Внушение неприятеля в занятых им местах... повсеместно между поселянами разсеиваемое, уверенность в непринадлежности более России и в неприкосновенности к ним власти помещиков могло колебать их умы; от чего некоторые в Смоленской губернии способствовали неприятелю в отыскании фуража и сокрытых имуществ, а другие, сообщась с ним, попускались даже на грабительство господских домов».

Некоторые крестьяне Московской губернии заявляли, «что они вольные, а другие, что они подданные Наполеона», третьи, что они больше не принадлежат помещику, «потому что Бонапарт в Москве, а стало быть он их государь». В Волоколамском уезде крестьяне, «обольщенные вредными внушениями неприятеля, вышли из повиновения своим помещикам, приказчикам и старостам... Бунтуя, крестьяне говорили, что отныне они принадлежат французам, поэтому повиноваться будут им, а не русским властям»¹⁸. Следовательно, антикрепостническая пропаганда велась неприятелем и в старорусских губерниях, и вопрос был лишь в ее масштабах.

Марксистские историки подсчитали, что в 1812 г. количество крестьянских выступлений увеличилось в 3 раза по сравнению с предшествующими годами. Б.Ф. Ливчак справедливо отметил, что это «приращение» произошло именно за счет затронутых войной губерний, откуда эвакуировались местные власти и помещики и где крестьяне контактировали с солдатами Великой армии, которая «несла с собой антикрепостнический дух»¹⁹. По нашим подсчетам, две трети, а то и более от общего числа крестьянских выступлений пришлось именно на «прифронтовые»

¹⁸ РА. 1871. № 10. Стб. 1620–21; ВУА. Т. 16. С. 36, 258, 260; *Ахлестьев Д.П.* Указ. соч. С. 223, 225; *Ассонов В.И.* В тылу армии. Калужская губерния в 1812 г. Калуга, 1912. С. 148, 152; *Савин Н.И.* Волнения крепостных. Дорогобуж, 1926. С. 25; *Ливчак Б.Ф.* Указ. соч. С. 61–62.

¹⁹ *Андреев П.Г.* Народная война в Смоленской губернии в 1812 г. Смоленск, 1940. С. 20; Крестьянское движение в России. Сб. док. М., 1961. С. 18, 856–61; *Ливчак Б.Ф.* Указ. соч. С. 60–61; *Троицкий Н.А.* 1812. Великий год России. М., 1988. С. 217.

губернии. Причем, здесь крестьянское движение приняло самые ожесточенные формы: грабежи и поджоги поместий и магазинов, убийства помещиков и управляющих, вооруженное сопротивление властям, выдача помещиков противнику, сотрудничество с неприятельскими фуражирами и мародерами. В прочих же губерниях происходили «среднестатистические» волнения, отказы от работ, неприятие новых помещиков, подача прошений, сопротивление набору рекрутов, распространение слухов об отмене «рабства».

Одним словом, наличие в стране неприятельской армии и антикрестьянская пропаганда со стороны ее солдат послужили одним из важнейших факторов обострения классовой борьбы. Но, как верно заметил Ливчак, «французские подстрекательства к самостоятельному освобождению всегда носили локальный, так сказать, кустарный характер, не получили значения всеобщего призыва, не поднялись до уровня политики. Не армия, не корпусные генералы определяли крестьянскую политику французов в России», а Наполеон, политика которого на сей раз была консервативной.²⁰

Вопрос о крепостном праве продолжал волновать Наполеона и в Москве. По словам Сегюра, здесь император «получил несколько прошений от разных отцов семейств. В них были жалобы на то, *что помещики обращаются с ними, как со скотом*, который, сколько угодно, продают и меняют. В них просили, чтобы Наполеон отменил крепостное право. Они предлагали себя в вожди отдельных восстаний, обещая обратить их во всеобщее». А. де Коленкур также упоминал, что в начале октября «император приказал составить прокламацию об освобождении крепостных ... Несколько субъектов из низшего класса населения и несколько подстрекателей (немецкие ремесленники, которые служили им переводчиками и подстрекали их) немного покричали и по наущению некоторых лиц подали ходатайство об освобождении крестьян. Те же лица, которые подучили их, убедили императора в необходимости этой меры, заявляя ему, что идеи эмансипации гнездятся уже в мозгу у всех крестьян, и император, вместо того, чтобы быть окруженным врагами, будет иметь миллионы пособников»²¹.

Почти наверняка оба генерал-адъютанта имели в виду послание, полученное Наполеоном от обывателей Рузы. Приводим его, сохраняя орфографию и пунктуацию подлинника:

²⁰ Ливчак Б.Ф. Указ. соч. С. 61, 63; Тартаковский А.Г. Указ. соч. С. 27.

²¹ РА. 1908. № 4. С. 483; Французы в России. I. 81; Сегюр Ф.П. Указ. соч. С. 83; Коленкур А. Поход Наполеона в Россию. Смоленск, 1991. С. 188; Chambray G. Op. cit. Т. 2. Р. 287–88; Дживелегов А.К. Указ. соч. С. 223. Тарле заявил, будто Наполеон «ни в малейшей степени не помышлял об освобождении крестьян от крепостной неволи» (Тарле Е.В. Указ. соч. С. 175).

«Государь, Бог хотьев чтоб русской народ не болше крипасной был, употреблял для его силы ваши. Етот народ беден и ево обижает благородство [во французском варианте: *opprimé par la noblesse* – угнетен дворянством]. Он видеть как птицы и все другие как на волю бывают, когда в сем государстве мужики, впервые богатство наций, крыпасний и у них нету никаво защищатель. Нащи бары продают нас с родителей, или одново употребляют нас на перемен продают нас как животных или отдают нас чтоб заплатить долги их. Они принуждают нас служить их со всяким маниеров, а правил никакия, нежели капризы их. Выбор нами жены и наша жительство нам не позволено, и награждение что мы хорошо служили их, нас палками дерут, и ежели жизнь не отымают, от тово что она им нужна. Посему... мы желаем под новом государство идти, которой пуская нашу веру, может нас защищать. И так остает нам благодарить богу что он нам средства дал к вашему величеству объявить можем, как защищатель народов чтоб его прасить нас от рабства на волю пускать, уверяя ево от нашей верности. Да и как могли бы не уверен быть от верности нашей, когда мы нашими *тиранны* верны были. Руса, 30 сентября». Далее следуют 17 подписей, скорее всего реальных лиц, поскольку почерки разные. На французском «перевод» этого послания, переданном Наполеону, им сделана пометка: «Лелорнь сохранит мне эту петицию. Москва 6 октября 1812»²².

Здесь имеется в виду Э.Л. Лелорнь д'Идевиль, секретарь-переводчик службы личного кабинета императора, занимавшийся, помимо прочего, обработкой русских документов. Таким образом, Наполеон действительно был ознакомлен с этим документом. Другое дело, что истинное происхождение его более чем сомнительно. Заметим, что документ датирован по новому стилю, что вряд ли могли сделать сами просители. При сравнении русского варианта с французским, написанным вполне грамотно, становится ясно, что сначала был составлен именно последний, а затем полуграмотным мещанином или дворовым человеком был сделан неуклюжий перевод на русский язык (может быть, это и были «немецкие ремесленники, которые служили им переводчиками и подстрекали их»). На это указывают и построение фраз и некоторые выражения, не свойственные русскому языку и простолюдинам: откуда, например, забитый мужик мог знать, что «крестьяне являются первым богатством страны»?

²² РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3586. Л. 27–28; ОР РНБ. Ф. 859. К. 6. № 10. Л. 51–52 об. Русский вариант этого текста опубликован в кн.: *Алехтин В. П.* Сердце России первопрестольная столица Москва и Московская губерния в Отечественную войну. М., 1912. С. 47. Тарле заявил, будто «этот документ никогда не был издан и даже не был использован», но сам не стал ни цитировать, ни анализировать его (*Тарле Е. В.* Указ. соч. С. 177).

А.Г. Тартаковский писал, что «Наполеон не раз задумывался над возможностью издания прокламации, которой декларировалась бы отмена крепостного права в России... Однако все приведенные здесь показания свидетельствуют лишь о его *намерениях и пожеланиях*», а не о каком-то реально предпринятом акте. Собирался ли Наполеон на самом деле освободить русских крестьян от крепостной зависимости, — задается вопросом историк, и отмечает, что «в 1812 г. социальные мотивы в политике французского императора были строго подчинены его политико-стратегическим расчетам. Данное обстоятельство вполне объясняет, кстати, позицию, занятую Наполеоном в крестьянском вопросе в западных губерниях России». Поскольку для русского дворянства Наполеон был «исчадием революции» и смертельным врагом, то император не исключал возможность в коренной России опереться на антикрепостнические волнения²³. Почему же он все-таки этого не сделал? Ответов современниками и историками было предложено несколько.

С.Б. Окунь полагал, что наиболее убедительные соображения в этой связи высказал А.Б. ван Дедем ван де Гельдер. «Я полагаю, — писал этот генерал, — что император мог бы возбудить восстание в русских губерниях, если бы он хотел дать волю народу, так как народ этого ожидал, но Наполеон был уже в то время не генерал Бонапарт... Для него было слишком важно упрочить монархизм во Франции, и ему трудно было проповедовать революцию в России». То же самое утверждал и Сегюр: «Это средство претило Наполеону, природа которого склоняла его больше к интересам королей, чем на сторону народов. Он пользовался им довольно небрежно». Это и «побудило его не стараться более подстрекать народ к бунту, с которым он не в силах был бы справиться». По словам Коленкура, эта мера шла в противоречие с принципами Наполеона как монарха²⁴.

Исходя из этого, Тартаковский считал, что едва ли не важнейшая причина такого образа действий императора «заключалась в том, что ко времени похода в Россию обнаружилось явное “поправление” контрреволюционной диктатуры Наполеона — ее перерождение из республиканской в откровенно монархическую... В этих условиях антифеодальные тенденции его политики еще более отходили на задний план, и поддержка самостоятельных социальных движений полностью исключалась»²⁵. Однако это слишком общее замечание, поскольку «поправление» напо-

²³ Тартаковский А.Г. Указ. соч. С. 29, 37–38.

²⁴ Dedem de Gelder A.B. Mémoires. P., 1900. P. 230–31; PC. 1900. № 7. С. 126; PA. 1908. № 4. С. 483–84; Французы в России. 1. 81; Сегюр Ф.П. Указ. соч. С. 83; Дживелегов А.К. Указ. соч. С. 224.

²⁵ Окунь С.Б. Русский народ и Отечественная война 1812 г. // История СССР. 1962. № 4. С. 59–60; Тартаковский А.Г. Указ. соч. С. 38; Троицкий Н.А. 1812... С. 220–21.

леоновского режима произошло задолго до похода в Россию. Окунь верно заметил, что, хотя утверждение Дедема «в основе своей безусловно справедливо, оно все же требует дополнительных соображений», так как в 1807 г. личное освобождение крестьян в Польше провозгласил уже монарх, а не революционный генерал.

Некоторые советские авторы считали, что «опыт испанских событий должен был убедить Наполеона в опасности народного движения, когда антифеодалские задачи переплетались с национально-освободительными». Подчеркнем, что на самом-то деле это казуистическое «переплетение задач» оборачивалось их прямым антагонизмом, ибо, выступая против собственного дворянства, возглавлявшего «национально-освободительную борьбу», крестьяне объективно становились пособниками «интервентов». Впрочем, у марксистов была своя, «диалектическая» логика.

Тартаковский утверждал, что «конец колебаниям Наполеона в этом вопросе положило развернувшееся с не меньшим ожесточением, чем в Испании, крестьянское партизанское движение в самой России, как раз ко времени пребывания французов в Москве достигшее наивысшего подъема». Действительно, Наполеон говорил Коленкуру, что «предрасудки и фанатизм, распаленный в народе против нас, по крайней мере в течение некоторого времени будут служить для нас большим препятствием, а следовательно, он будет нести на себе бремя всех отрицательных сторон этой меры, не извлекая из нее никаких выгод»²⁶.

Тем не менее, мы не думаем, что подогреваемая религиозной пропагандой народная война была непреодолимым препятствием для революционной пропаганды — факты «коллорабационизма» встречались и в Смоленской и в Московской губерниях, где как раз и действовала во всю мощь религиозная пропаганда. Шеф эскадрона А.Д. Хлаповский, в сентябре находившийся возле Подольска, писал: «Мы многократно вступали в близкие отношения с жителями, мы убедились, что было бы легко натравить против своего правительства этот народ, который прекрасно ощущал рабство, в котором находился; император, однако, не хотел употребить это средство»²⁷.

Попутно необходимо пояснить, что «народное партизанское движение» — это ни что иное, как выдумка марксистской литературы, поскольку настоящие партизанские действия вели только армейские «партии» и «летучие корпуса». Крестьяне же входили в систему «кордонов», орга-

²⁶ Окунь С.Б. Указ. соч. С. 60; Тартаковский А.Г. Указ. соч. С. 38; Согр. 19389; РА. 1876. Кн. 3. С. 379; Отечественная война и русское общество. Т. 5. М., 1912. С. 78; Французы в России. 1. 81, 83; Коленкур А. Указ. соч. С. 188.

²⁷ Chlapowski D. Aus der Umgebung Bonapartes. В., 1910. S. 192.

низованную дворянской администрацией, задачей которой была только оборона своих и соседних деревень от небольших отрядов фуражиров и мародеров.

«Экстремальным» вариантом данного объяснения является версия Б.С. Абалихина. Он писал, что император французов собирался отменить крепостное право в России, «но действительность опрокинула все расчеты Наполеона и его приближенных. Народные массы России встали на борьбу с интервентами, с первых же дней войны развернули непримиримую партизанскую войну». «Народные массы, — утверждал он, — сыграли решающую роль в срыве коварного плана Наполеона — создать Вандею в тылу русской армии. Несмотря на все старания, французской агентуре и сепаратистски настроенному польско-литовскому дворянству не удалось поднять массовые восстания... Наполеон был вынужден признать провал своих расчетов на организацию мятежей в тылу русских армий». В доказательство этого тезиса Абалихин привел слова, сказанные императором 22 ноября: «Я недоволен конфедерацией, которая ничего не сделала... Если бы конфедерация была бы способна к чему-нибудь, вся страна (Россия — Б.А.) давно была бы охвачена восстанием»²⁸.

Не говоря уже о неуместности применения в данном контексте слов «Вандея» и «интервенция», подчеркнем, что мы сталкиваемся здесь с банальной фальсификацией. Дело в том, что под словом «восстание» император здесь однозначно имел в виду всеобщее вооружение («политическое рушение») в поддержку французов в Литве, которая тогда находилась в тылу вовсе не русской, а наполеоновской армии. Поднимать же крестьянские восстания в коренной России официально, от своего лица, Наполеон так и не решился, а потому глупо говорить о «всех его стараниях» на этом поприще.

Сам Наполеон неоднократно заявлял, что война, которую он ведет с Россией, «есть война политическая», то есть не социальная, не революционная. Этого взгляда он придерживался столь же твердо, как Александр I своего решения не идти ни на какие переговоры с противником, ради чего царь и пошел на «меры необыкновенные» и развязал народную войну, не предусмотренную никакими правилами обычной «политической войны», приличной для легитимных монархов.

Очень четко это объяснил рассудительный маршал Л. Гувьон Сен-Сир. «Судя по воззваниям обоих императоров, — заметил он, — один из

²⁸ Абалихин Б.С. Особенности классовой борьбы в России в 1812 г. // Из истории классовой борьбы в дореволюционной и советской России. Волгоград. 1967. С. 132–33; Он же. Героическая эпопея народного подвига. М., 1987. С. 35–36; Иенатович И.И. Крестьянское движение в России в первой четверти XIX в. М., 1963. С. 80.

них хотел сделать войну политической, другой же, напротив, предпочел вести войну религиозную и национальную. Наполеон мог ему в этом воспрепятствовать, если бы привлек на свою сторону массы русского населения; но он не сделал этого; и в этом случае следует заметить, что он не употреблял против своего противника одинакового с ним оружия, и что он должен был выносить последствия этого. Но после того, как он вступил на трон, он перестал пользоваться оружием демократии; он хотел придать монархическому началу, которое он возвысил, поддержку аристократии, и он стремился всеми средствами ее восстановить. Несомненно, что аристократическое начало... служило бы превосходным средством для сохранения порядка; но по этой самой причине ему и следовало подорвать таковое у столь могущественного противника, от которого ему приходилось всего опасаться.

Возбуждение демократических интересов было самым сильным оружием, с которым он мог напасть на колосс русской империи и к которому политические соображения данного момента ему, может быть, указывали обратиться. Сначала это его прельщало... После его пребывания в Витебске, началось восстание крестьян против их господ, но этот проект был тотчас оставлен, и Наполеон, верный своей новой системе, стал защищать помещиков от их рабов, вернул их в свои усадьбы, откуда они были изгнаны и дал им солдат, чтобы их охранять и защищать. Крестьяне, обманутые в своих ожиданиях, стали с тех пор внимать возваниям Александра. В коренной России (Moscovie) они присоединились к его армиям и причинили нам столько вреда, сколько могли бы принести нам пользы, если бы Наполеон помог им освободиться от крепостной зависимости. Впрочем, и в интересах гуманности, хорошо или плохо поступил Наполеон, что не поддержал это восстание?

Вопрос этот слишком серьезен для того, чтобы быть легко разрешенным, ибо речь идет о народе, лишенном цивилизации, в течении веков находившемся в тяжелой зависимости и в полнейшем невежестве. Я удовольствуюсь упоминанием этого факта, чтобы указать на то влияние, которое это начало восстания могло иметь на ход войны и подтвердить, что дела зашли уже так далеко, что крестьяне, не довольствовались только изгнанием своих господ из их поместий, но напали на небольшие отряды русских войск и чувствовали себя уже достаточно сильными, чтобы брать пленных... Это событие, хотя и не повлекло за собой никаких последствий, как это могло случиться, явилось признаком, обнаружившим слабую сторону русской империи и, казалось, оправдывавшим страхи ее правительства в отношении либеральных взглядов»²⁹.

²⁹ *Gouvion Saint-Cyr L.* Op. cit. P. 19–21; ОР РНБ. Ф. 152. Оп. 1. № 313. Л. 20–22.

В речи, обращенной к сенату 20 декабря 1812 г., Наполеон так объяснял свою позицию в отношении российской элиты: «Я мог бы поднять против нее большую часть ее собственного населения, провозгласив освобождение рабов... Но когда я узнал грубость нравов этого многочисленного класса русского народа, я отказался от этой меры, которая обрекла бы множество семейств на смерть, разграбление и самые страшные муки». По словам капитана Бодю, Наполеон заявил, что «он мог бы использовать революционную армию в этой стране, но что он не захотел этого сделать по причине ужасных несчастий, которые стали бы результатом этого при столь варварском населении».

Сегюр считал, что император потому отверг предложения отменить крепостное право, что «у варварского народа и свобода варварская, и она превращалась в необузданную, ужасную распушенность! Это показали раньше бывшие отдельные возмущения. Русские дворяне погибли бы, как колонисты на Сан-Доминго во время восстания негров. Такое опасение взяло верх в мыслях Наполеона; это выразилось в том, что он решил не стараться поднимать движение, которое он не в состоянии был бы урегулировать». Сегюр имел в виду «возмущения», произошедшие в Витебской губернии, о которых Пасторе писал: «В стране царил самый крайний беспорядок, распространяемый восстанием крестьян, убежденных... что свобода, о которой шла речь, состоит именно в безудержном произволе»³⁰.

Советские авторы обычно соглашались с первой частью речи Наполеона, но вторую часть либо переиначивали в выгодном для русского народа свете, либо с негодованием отвергали. Окунь писал: «Первое положение нельзя не признать справедливым, ибо под “политическими” войнами Наполеон подразумевал борьбу правительств... Завершением войны 1812 г. должен был явиться новый “Тильзит”, но... в прусском варианте. Иначе говоря, итогом войны должны были быть и значительные территориальные уступки и полная экономическая и политическая зависимость... При таких замыслах посягательство на внутренний социальный строй, господствующий в России, неминуемо повлекло бы за собой невозможность использования ее силы в дальнейшей борьбе с Англией. Более того, чем больше затягивалась война и чем сильнее стремился Наполеон к подписанию мирного трактата, тем опаснее было затрагивать внутренний строй России. Мирный договор император французов мог

³⁰ Согг. 19389; *De Baudus M.* Op. cit. Т. 1. P. 414; *Сегюр Ф.П.* Указ. соч. С. 83. 27 июля генерал Ж.Д. Компан писал своей супруге из Могилева об ужасной забитости и невежестве белорусских крестьян, которые «только и ищут случая, чтобы разграбить поместья. Эти жалкие крепостные во сто раз более грязны, чем свиньи во Франции, но грабят они великолепно» (*Ternaux-Compans H.* Le général Compans. P., 1912. P. 160–161).

заклучить лишь с российским императором, который имел власть и располагал какой-то силой лишь до того момента, пока в России не вспыхнет крестьянская война».

Касательно же второй части речи императора, Н.А. Троицкий, например, написал: «В России он не ожидал, что “рабы”, лишенные у себя на родине всяких прав, поднимутся против него на Отечественную войну. Просчет Наполеона состоял в том, что он, верно определив как “рабскую” степень юридической и материальной придавленности русских крестьян, преувеличил их духовную, нравственную отсталость, посчитав, что они столь же темны, сколь и бесправны»³¹.

Однако все высказывания участников похода однозначно свидетельствуют, что от идеи освобождения крестьян Наполеона оттолкнул именно «беспредел» мужицкого бунта, который обладал лишь бездумной разрушительной силой и был не способен на что-либо конструктивное. Как человек политический, Наполеон понимал, что любая война должна завершиться миром, но с кем бы он стал его заключать, если бы в России воцарили хаос, анархия и безначалие? Он вовсе не собирался становиться вождем крестьянского бунта и увязать на многие годы в российских делах, имея за плечами «кровотокающую» Испанию и таких ненадежных союзников, как Австрия и Пруссия. Он, действительно, был уже не революционным генералом, а монархом. Как любой узурпатор, он изо всех сил стремился, перед лицом европейских монархов, подчеркнуть легитимность своей власти, и потому для него было неприемлемо, провозглашением антикрепостнических лозунгов в России, лишний раз напоминать о своем революционном происхождении. Потому-то он и хотел вести войну по правилам «политической войны», принятой в кругу легитимных монархов. Беда состояла в том, что настоящие монархи Европы не считали Бонапарта легитимным и потому Александр I, например, считал возможным применить против него не совсем легитимные методы...

Коленкур писал, что при враждебном отношении русского народа к французам «провозглашение освобождения крестьян, которое к тому же не соответствовало личным мнениям императора, не принесло бы пользы делу, так как оно осталось бы безрезультатным и придало бы этой войне революционный характер, отнюдь не подходящий для государя, который с полным основанием хвалился тем, что он восстановил общественный порядок в Европе. Составление этой прокламации [в Москве] было только угрозой, и люди, знавшие императора, с самого начала не обманывались на этот счет. Это было одно из многих средств, которые он пускал в ход, чтобы посмотреть, не даст ли угроза какого-нибудь результата. Он хотел, если возможно, напугать неприятеля. Это была гроза, при которой

³¹ Ожунь С.Б. Указ. соч. С. 60; Троицкий Н.А. 1812... С. 221.

сверкали молнии, но гром не гремел. Император пробовал все средства, чтобы добиться переговоров, которых он желал, но данное средство не принадлежало к числу тех, которые были свойственны его политике».

Еще в июле, при появления манифестов Александра I о созыве ополчения Коленкур записал: «Эти манифесты не оставляли сомнений в том, что он хочет превратить войну в национальную. Печатные листки за подписью Баркляя, подброшенные на наши аванпосты, доказывали, что он не очень щепетильно разбирался в применяемых средствах, так как в этих листках французов и немцев призывали покинуть свои знамена... Наполеон был, по-видимому, этим удивлен: — Мой брат Александр не считается больше ни с чем, — сказал он, — я тоже мог бы объявить освобождение его крестьян». Теперь, в Москве Наполеон сказал Коленкуру: «Вы против эмансипации. Однако люди, которые знают русских не хуже вас, думают иначе. Вы против потому, что это не было бы добросовестной войной против вашего друга Александра. Однако поджоги тоже не являются добросовестной войной... Впрочем, я смотрю на эмансипацию так же, как и вы. А к тому же неизвестно, куда привела бы подобная мера. До сих пор, если не считать того, что Александр сжигает свои города, чтобы мы не жили в них, мы вели друг против друга довольно добросовестную войну. Никакого опубликования неприятных документов, никаких оскорблений. Напрасно он не вступает с нами в соглашение... Мы скоро договорились бы и остались бы добрыми друзьями»³².

Теоретически Наполеон мог использовать крестьянские мятежи в коренной России, как «козырь» в борьбе с крепостническим государством, но при ближайшем рассмотрении оказалось, что этот «козырь» является слишком мощным оружием, способным уничтожить все его надежды на быстрое заключение мира и «впряжение» России в «колесницу» Континентальной блокады. Образно говоря, такой социальный взрыв мог «выплеснуть вместе с водой и ребенка». Как выразилась Н.В. Брюллова-Шаскольская, «издали крестьянские беспорядки казались заманчивы, вблизи же красный призрак делался грозен и страшен». Ни о каком политическом уровне переговоров со взбунтовавшимися мужиками речи быть не могло. Самая, пожалуй, главная причина состояла в том, что Наполеон не мог «нажать на педаль» антикрепостнической пропаганды до тех пор, пока сохранялась надежда на заключение мира с Александром. Как заметил Тартаковский, «Наполеон в любой момент был готов вступить в союз с дворянством и царизмом, пойдя они только на уступку в вопросе о мире»³³.

³² Коленкур А. Указ. соч. С. 87, 188–89; Сегюр Ф.П. Указ. соч. С. 59, 82.

³³ Брюллова-Шаскольская Н.В. Крестьянские волнения в годы наполеоновских войн. М., 1931. С. 63; Тартаковский А.Г. Указ. соч. С. 43.

Народные массы Российской империи, действительно, предотвратили попытку Наполеона отменить крепостное право, но не потому, что якобы «с первых дней войны боролись с интервентами», а потому, что продемонстрировали ему страшный, необузданный, жестокий характер русского бунта, поразивший даже видавшего виды революционного генерала. Именно в этом состояла «темнота» и «нецивилизованность» русского крестьянства, виною чему было, разумеется, архаичное крепостное право. Отменив крепостничество, Наполеон не мог в одночасье цивилизовать русского мужика. Не мог этого сделать даже сам М.И. Кутузов, в чем он прямо признался генералу Ж.А. Лористону, а увязать в российских проблемах на многие годы Наполеон, разумеется, не собирался.

У данной проблемы имеется еще один аспект. Несмотря на серьезные опасения русского дворянства насчет возможной антикрепостнической пропаганды Наполеона, оно все же в глубине души надеялось на традиционную верность русского мужика престолу и православной церкви. Так, в ответ на заявление Наполеона, что люди «в теперешнем веке перестали быть набожными», генерал А.Д. Балашев возразил: «Я не знаю, Ваше величество, набожных во Франции, но в Гишпании и в России много еще есть набожных».

В июле произошел разговор генерала О.Ф. Себастьяни с российским парламентаром майором В. Левенштерном. Последний писал: «Себастьяни хотел убедить меня в том, что в России умы давно уже волнуются. Из этого было видно, как мало ему был знаком дух нашего народа, и как велика была ошибка Наполеона, когда он думал, что русские будут способствовать его видам и намерениям. Предполагая дать русскому народу свободу, он не подумал о том, что народ не имел ясного представления об этом слове. Русские не желают перемены: их преданность императору внушается им религией и тесно связана с их преданностью старинным обычаям. Поэтому коварные обещания Бонапарта не произвели никакого впечатления на население. Крестьяне не верили в эти братские уверения... И жертвы, принесенные народом, превзошли ожидания правительства. Таково было в ту эпоху настроение умов; как видно, оно совершенно не соответствовало надеждам французов»³⁴.

Такую же уверенность выражал в письме к Балашову Ф.В. Ростопчин: «Наполеон рассчитывал на слово свобода, но оно не действует, и если бы народ и желал ее, то ненависть ко врагу отечества удалит его от соучастия в успехе его намерения и в злобе к нему последний холоп наравне с первым баринном». В письме к Багратиону от 6/18 августа Ростопчин

³⁴ РС. 1912. № 2. С. 275; Комаровский Е.Ф. Записки // Русские мемуары. М., 1989. С. 178; Записки генерала В.И. Левенштерна // РС. 1900. № 11. С. 347.

выразил ту же мысль: «Злоба к Бонапарту так велика, что и хитрость его не действует. И эта пружина лопнула, а он, наверное, шел на бунт»; еще через 6 дней он сообщил, имея в виду слухи о свободе: «Главная его пружина, вольность, не действует, и о ней лишь изредка толкуют пьяницы». 23 августа/4 сентября Ростопчин сообщил императору: «Крестьяне покидают свои жилища, жители городов также, с приближением неприятеля. Его ненавидят еще более, чем боятся, и он очень ошибся в приеме, каковой думал встретить»³⁵.

Что можно сказать по этому поводу. Действительно, восприятие французами русского крестьянства было далеко не адекватным реальному положению дел, они не осознавали в полной мере его религиозности и степени преданности престолу. С другой стороны, и российские дворяне явно преувеличивали степень верности мужиков своим помещикам и местным властям.

Так, в конце августа «летучий корпус» генерала Ф. Винцингероде отступил в пределы Смоленской губернии, и генерал тут же заметил, «сколь почтенные жители в городах и селениях настояще русских, противно думают и ведут себя тому, что оказывалось в Белоруссии». То же самое отметил и Ермолов: «Поречье — первый старый русский город на пути нашего отступления, и расположение к нам жителей было другое. Прежде проходили мы губернии литовские, где дворянство, обольщенное мечтою восстановления Польши, возбуждало против нас слабые умы поселян, или губернии белорусские, где чрезмерно тягостная власть помещиков заставляла желать перемены. Здесь, в Смоленской губернии, готовы были видеть в нас избавителей».

Бенкендорф, служивший в отряде Винцингероде, вспоминал, что зрелище русских войск «производило наилучшее впечатление и так ободрило некоторых помещиков и исправников, что они стали раздавать вооружение крестьянам и в порядке и разумно действовать против общего врага. Не повторялось более явлений, происходивших в Белоруссии. Мы вступили в недра коренной России. Дворяне, священники, купцы, крестьяне — все были одушевлены одним духом. Все соединились на борьбу и уничтожение дерзких чужеземцев... Повсюду мы встречали только самое геройское самопожертвование, самое слепое повиновение и, что удивило нас самих, трогательную привязанность крестьян к своим господам»³⁶.

³⁵ Дубровин Н. Отечественная война в письмах современников. СПб., 1882. С. 76; 1812—1814. М., 1992. С. 179, 181; Письма графа Ф.В. Ростопчина к императору Александру Павловичу // РА. 1892. № 8. С. 526.

³⁶ Военный журнал. 1817. Т. III. С. 31; Ермолов. С. 146—47; Харкевич В.И. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вып. 2. Вильно, 1903. С. 81—82.

Эти заявления о пресловутом «единении сословий» на территории коренной России с полным правом можно поставить под сомнение. Хотя в самом Бельском уезде, через который тогда проходил отряд Винцингероде, «весьма редки были примеры буйства с неповиновением крестьян», но в соседнем Духовщинском уезде крестьяне с. Копыревщина разграбили поместье А. Лесли, другие мужики убили помещиков Д. Григорьева и И. Снопку. Крестьяне П.И. Энгельгардта, не желая работать на помещика, донесли на него французам, и он был расстрелян. В Сычевском уезде «многие крестьяне начали выходить из повиновения своего начальства», но были быстро усмирены. А в Дорогобужском уезде мятежи крестьян были настолько сильными, что даже начальник стоявшего здесь «партизанского отряда», подполковник В.И. Дибич первый признавался, что «буйство крестьян, вооружившихся противу нас», вынудило его ретироваться из уезда в г. Белый. В октябре тому же Дибичу было приказано усмирить этих мужиков, убивших своих помещиков Лыкошина и Бердяева. Хорунжий Д. Белосусов из этого отряда «усмирил Смоленской губернии разных помещиков до 6.000 крестьян, кои, противясь Российской державе, истребили в буйстве своих помещиков»³⁷.

В Юхновском уезде командир партизанской партии подполковник Д.В. Давыдов с разрешения Кутузова расстрелял крестьян Е. Никифорова и С. Мартынова. Дело в том, что Мартынов указал неприятельским мародерам, где что находилось в господском доме, и, «соединясь с французами и придя в село Лосьмину первой начал стрелять по казакам». «Дыша изменою к Отечеству», он указал им «то место, где хранилось церковное имущество, и они, взломав крышу, забрали там самые лучшие вещи». По словам Давыдова, «известными изменниками» оказались «дворовые люди отставного майора Семена Вишнева», которые, «соединясь с французскими мародерами, убили господина своего». Никифоров «с ними же убил отставного поручика Данилу Иванова», а Мартынов «наводил их на известных ему богатых поселян, убил управителя села Городища, разграбил церковь, вырыл из гроба прах помещицы села сего и стрелял по казакам»³⁸.

³⁷ Попов А.И. О классовой борьбе крестьянства в 1812 г. // Самарский исторический ежегодник. Самара, 2000. С. 7–19; Миловидов Б.П. Отряд подполковника Дибича в 1812–1813 гг. // Отечественная война 1812 г. и российская провинция. Малоярославец, 2005. С. 160–64; Лесли в войне 1812 г. Смоленск, 2005. С. 100–01, 123.

³⁸ 38 Асонов В.И. Указ. соч. С. 152–54; Давыдов Д.В. Стихотворения. Проза. М., 1987. С. 239–41. Марксистский историк В.И. Бабкин не побоялся солгать, будто «в Юхновском уезде партизанский отряд, истреблявший неприятельские шайки, расправился и с помещиками Ивановым и Вешневым». — Бабкин В.И. Специфика классовой борьбы в период Отечественной войны 1812 г. // История СССР. 1972. № 2. С. 115.

Так что «коварные обещания Бонапарта» не подействовали на российское крестьянство не потому, что оно не захотело принять свободу из рук завоевателя, сколько по той причине, что антикрепостническая пропаганда не была развернута в полную силу. И если даже отдельные, «кустарные» попытки ее ведения отдельными представителями Великой армии привели к резкому обострению классово-политической борьбы в губерниях, затронутых войной, то нетрудно себе представить, что произошло бы, если бы Наполеон официально, от своего имени провозгласил свободу и всеми силами поддержал бы бунтовщиков. Следовательно, все дело в том, что по политическим соображениям Наполеон отказался от данного шага. Как говорится, *noblesse oblige*: встав в ряды европейских монархов, «выскачка» и узурпатор Наполеон был вынужден с особой щепетильностью соблюдать «правила игры», принятые в сановном кругу легитимных монархов. Подобно тому, как Наполеон в своих стратегических маневрах был «загнан в угол» отступательной тактикой Барклая и Кутузова, так и в плане «социальной пропаганды» он был скован своими политическими расчетами.

Подведем итоги. Наполеон, его генералы, офицеры и даже солдаты прекрасно знали «ахиллесову пяту» колосса российской империи. Поначалу им казалось, что это важная «козырная карта» в борьбе с Александром. В Витебской губернии был даже «запущен пробный шар», то есть, издана некая прокламация. Но уже этот эксперимент, а затем и последовавшие бунты в самой России наглядно показали «беспредел» и неуправляемость мужицкого бунта. К тому же, возможности антикрепостнической агитации стали сужаться по мере развертывания русским командованием религиозной пропаганды. Как «новоиспеченный» монарх с «весьма сомнительным прошлым», Наполеон понимал, что ему не к лицу разыгрывать роль революционера. Но самая главная причина того, что он отказался официально провозгласить отмену крепостного права в коренной России заключалась в том, что ему нужен был «мир во что бы то ни стало», который он мог заключить только с российским императором, но никак не с взбунтовавшимися крестьянами.

Thank you for evaluating AnyBizSoft PDF Splitter.

A watermark is added at the end of each output PDF file.

To remove the watermark, you need to purchase the software from

<http://www.anypdftools.com/buy/buy-pdf-splitter.html>